

Лит. Россия. 1981 11 сент.

В ПЕРВЫЕ послевоенные годы мы учились на одном курсе Литинститута. Помнится, одно время даже ездили на занятия из-за города вместе — в одной электричке. Мы были почти сверстниками и порой в разговорах доверяли друг другу сокровенное и задушевное. Вроде бы нас многое связывало. Но и разделяло его и меня, как мне тогда казалось, нечто неодолимое. Он был почти на два года старше, и ему довелось побывать ТАМ — на войне, он был испытан ее огнем. Мне не пришлось быть на фронте, хотя военным — пусть вторичным — жаром опалило и души тех, кто голодно и тревожно жил в тылу. Но это не в счет. Ощущаемый мною рубеж все-таки существовал: я не мог, а он — мой одноклассник и поэт Константин Ваншенкин — мог носить почетнейшее звание той поры — фронтовик.

Признаюсь, тогда я со жгучим интересом, с пристальным вниманием приглядывался ко всем однокашникам фронтовикам, особенно к нему. Меня неотступно донимал один вопрос: а какие они — те, кто побывал там, в огне? Должно быть, они совсем не такие, как мы — «тыловые». Они знали что-то, чего не могли знать мы, за ними стояло нечто такое, что нам уже никогда не испытать. Так какие же они, победители?

Иной раз он читал мне свои новые стихи, чаще всего «военные», но и в них до поры ответа на свой вопрос я не находил. И вот — как откровение для меня — в печати появились одно за другим «Старшина» и «Бывший ротный», с которых, как мне кажется, и начался Константин Ваншенкин. Во всяком случае, без этих изначальных стихов мне трудно представить его дальнейший поэтический путь. «Старшину» я почти сразу запомнил наизусть:

*Из далекого Клина
Получил старшина
Телеграмму, что сына
Подарила жена.*

Поразила и сугубая обыденность ситуации, с которой на-

ПЛОДЫ ОСЕННЕГО САДА

чиналось описание встречи поэта с однополчанином:

*В село приехав из Москвы,
Я повстречался
с бывшим ротным.
Гляжу: он спит
среди ботвы
В зеленом царстве
огородном.*

Как бы по волшебству, обыденное, будничное здесь на глазах становилось поэзией. Но главное для меня состояло даже не в этом чудодейственном превращении. Стихи эти невольно подталкивали к открытию, хотя поначалу оно предвещалось самими простыми житейскими размышлениями: окончилась война, и те, кому посчастливилось вернуться оттуда, были в большинстве своем молоды. Они обзаводились семьями, ждали рождения детей (как тот старшина), учились или работали, но и женам в те полуголодные годы успевали в огородных делах подсоблять (как бывший ротный).

Словом, в жизненных заботах и грядках они были такие же, как мы — не побывавшие в огне. У нас тоже в то время появлялись на свет первенцы, мы тоже в свободный час спешили окучить эту самую картошку в своих огородишках. Выходило так, что в их поступках и устремлениях не проявлялось никакой исключительности. И все-таки что-то отличало их от нас: наверное, они чуть пронзительней и прозорливей вглядывались во все проявления жизни — ведь именно они отстояли эту жизнь, они ближе к сердцу принимали даже обыденные и, казалось бы, малозначительные ее оттенки, дорожке оценивали возможность залюбоваться хотя бы тем, как «серебрится вдалеке гречиха, пахнущая медом».

А в остальном те, кто прошел через войну, были не лучше и не хуже тех, кто ее не изведal, хотя частенько выглядели они не по возрасту умуд-

ренными неповторимым и суровым военным опытом. Может быть, эти рассуждения звучат сегодня несколько наивно, но тогда мне казалось, что я понял нечто важное для себя. И помогли мне это сделать стихи Константина Ваншенкина.

После окончания института наши дороги незаметно разошлись. Не скажу, чтобы постоянно, но мне все-таки удавалось следить за его публикациями в печати. Не скрою, меня радовало, что от одной до другой встречи с его стихами ощутимо расширился поэтический кругозор, тематический диапазон, зрело мастерство поэта. Но это было характерно не только для него одного. А вот в его «вершинных» — так я их называл для себя — стихах явственно давали себя знать существенные приметы того, что за плечами Константина Ваншенкина, кроме обычного благоприобретенного жизненного опыта, стояло и нечто большее. К таким стихам-вехам я бы отнес «Мальчишку», «Сердце» и особенно «Я люблю тебя, Жизнь». Последнее стихотворение, став песней, обошло не только пределы нашей Родины, но и перешагнуло за ее рубежи, сделавшись во многих странах не менее распространенным, чем у нас. Оно воспринималось как свое, кровное и людьми нашего поколения, и, я думаю, будет столь же близко принято сердцами тех, кто ныне по возрасту нам внуками приходится. И все-таки, выражая общечеловеческие гуманные чувства, «Я люблю тебя, Жизнь» могло быть написано — я в этом уверен — лишь после смертоносной войны и человеком, побывавшим там — на грани Жизни и Смерти.

Прошли годы. И вот передо мной книга новых стихов Константина Ваншенкина «Поздние яблоки», недавно вышедшая в свет. Прочитав ее, я

вдруг понял, насколько удачно она названа. Бывает временами у человека такое: и назад, на пройденный путь оглянуться тянет, и предварительно подытожить хочется: а плодотворной ли была минувшая пора? Образ плодоносного осеннего сада по-особому — и светло, и чуть печально — окрашивает весь сборник «Поздние яблоки».

И если поэт и здесь иногда возвращается к своей главной теме — пишет о судьбах людей на войне, то делает он это, вглядываясь во вчерашнее как бы с той нынешней высоты, которую он одолел, и прозревает давнее уже из сегодняшнего дня.

*Особенное наше
поколение —
Цветенья предвоенного
краса,
Оно взводилось в виде
пополнения
В неглубокие полки
и корпуса...*

В этом стихотворении о судьбе целого поколения, которое «как кровь живую, армиям вливали», всего восемь строк, а звучит оно почти эпически. Едва ли меньшей силой обобщения проникнуты и стихи того же плана «Были женщины в войну...», «Посередине стол стоит...», «Сон победителей». К сожалению, рамки газетной статьи не позволяют мне цитировать, да порой это и невозможно — цельное воспринимается только целиком. Таково уж свойство стихов, исполненных зрелого мастерства.

В связи с этим есть смысл сказать еще об одной особенности новой книги Константина Ваншенкина. Читая ее, ощущаешь устойчивую уверенность мастера в том, что все выходящее из-под его пера — и баллада с динамичной фабулой, и мимолетная зарисовка,

и высвеченное сиюминутное движение души, — все это наделено высоким вкусом и впечатляющей силой. В большинстве случаев эта уверенность вполне оправдана. Иной раз даже в миниатюрах, которые в литературном обиходе принято называть пейзажными, заключена такая сила чувства, что их без щемящего отзвука в собственном сердце воспринимать едва ли возможно:

*Так наполнен я этой
равниной,
Так напитан пространством
родным,
Что, безжалостно
ими ранимый,
Понимаю, что ими
храним...*

«Поздние яблоки»... Название одного из стихотворений вынесено на титульный лист книги. Мне думается, что, оглядываясь назад, поэт может быть уверен, что минувшая пора в его поэтическом саду была плодоносной. Но еще дозревают самые поздние яблоки, о которых значимо сказано в одном из лучших стихотворений сборника:

*Посмотрите молча вверх
Умудренными глазами:
Поздних яблок фейерверк
Над опавшими садами.*

*Не для тех, кто в суете,
Не для жадного и труса —
Добирают в высоту
Цветя, гладкости и вкуса.*

Прочитав книгу новых стихов Константина Ваншенкина, я чуть позже встретался и беседовал с ним в перерывах заседаний съезда российских писателей. И у меня зрела надежда, что в недалеком будущем мы отведаем тех плодов, что еще добирают «цветя, гладкости и вкуса» в его поэтической душе.

Олег ЗВЕРЕВ